

Август кивнул, и глаза его загорелись: он ждал, что Рафаэль спросит, зачем он так поступил — сначала отказал Джули, а теперь вдруг проявляет участие.

Но Рафаэль не спрашивал. Он словно вовсе не замечал противоречия, а вместо этого взял стопку документов, которые, казалось, и за всю жизнь не одолеешь, сделав вид, что собирается погрузиться в работу.

«!!!» Как же так?! Август ждал восхищения или хотя бы похвалы от Рафаэля! Если тот не задаст вопрос, как же Август изложит свои планы и расчёты? А-а-а, разве Рафаэль не умён? Почему же сейчас он вдруг стал таким непонятливым? Неужели нарочно? Как бы намекнуть ему?

Рафаэль, конечно, дразнил Августа. Даже если поначалу он и не понял, что тот затеял, то теперь всё было ясно. Он намеренно не спрашивал, наблюдая, как Август ёрзает, словно белка, у которой отняли орех. Зрелище доставляло ему несказанное удовольствие.

Подержав его в неведении ещё немного, Рафаэль наконец неспешно задал вопрос, которого Август так ждал:

— Ты в самом деле не хочешь приютить Джули или просто играешь с ней?

Август тут же клюнул. Он тряхнул золотистыми волосами и самодовольно бросил:

— Угадай!

— Играешь, — без тени удивления ответил Рафаэль.

«...» Чувство удовлетворения у Августа вдруг сократилось на три четверти. Он на секунду задумался, а потом воскликнул:

— Ты же уже догадался!

Рафаэль пожал плечами:

— Я и не говорил, что не догадался.

Августу захотелось его укусить, но он не знал, с чего начать, и только проворчал:

— А почему, по-твоему, я хочу ей помочь? Не из доброты душевной! Я ведь не хороший человек!

Глядя на Августа, который с серьёзным видом подчёркивал свою недоброту, Рафаэль рассмеялся ещё громче:

— Да-да, конечно. Ты великий злодей, совсем не хороший человек.

— Именно!

И великий злодей приступил к подробным объяснениям. Будучи человеком, редко что-либо просчитывающим, Август сейчас испытывал жгучую потребность поделиться своими замыслами — что, в общем-то, характерно для детей.

Первая красавица сама по себе Августа не привлекала, но титул «первой красавицы» для прочих дворян, слепо гонящихся за модой, был смертельно важен.

До сих пор Август ломал голову над проблемой общения, и вот Джули сама предложила решение.

Что такое светское общение для дворянина? Бесконечные балы, танцы и чаепития. Это увлечение не только дам, но и джентльменов, которые обожают собираться вместе, чтобы обсудить вино, сигары и красивых женщин.

Август задумал устроить в Бристолe грандиозный прощальный бал, сделав «мисс Матт» его главной приманкой, — такой, чтобы о нём говорили ещё долго, чтобы он запомнился на всю жизнь. И если дворяне запомнят сам бал, они не забудут и его устроителя, Августа. Тогда о светских связях можно будет не беспокоиться.

Это то, что называют «раскруткой», и мало чем отличается от того, как звёзды поддерживают свою популярность.

Конечно, Август не надеялся, что этот метод работает навечно. Решение временное, но оно даст ему достаточно времени, чтобы придумать что-то долговечное. Он сможет подумать об этом уже в Лондоне.

Более того, по приезде в Лондон «мисс Матт» может стать важным средством для расширения его круга общения. Удачный рождественский бал, который Рафаэль устроил для Августа, был хорошим началом, но не более того. Августу срочно нужен был повод, чтобы поддержать репутацию герцога. Стоит только закрепить в мнении, что «балы у герцога всегда великолепны, а приглашения на них — большая редкость», как запустится самоподдерживающийся процесс.

К тому же популярность Августа в Лондоне скажется и на его положении в Бристолe, придав ему больше влияния и устойчивости.

Люди — странные создания: чем труднее что-то достать, тем сильнее этого хочется. Если же что-то никому не интересно, то и желанным быть перестаёт. Если план Августа сработает, ему не придётся прилагать усилия, чтобы поддерживать отношения — другие сами будут искать с ним связи. Это куда проще, чем пытаться добиться того же иными способами.

Бристольские дворяне не только не забудут Августа, но и изо всех сил постараются сохранить с ним контакт, хотя бы ради возможности похвастаться знакомством.

Всё это, однако, возможно лишь при одном условии: если Август приютит Джули.

— Джули привыкла к вниманию и к тому, что её желания исполняются, поэтому она ничего не ценит, — Август хорошо понимал таких, как Джули, потому что... его мать в прошлой жизни была такой. Она не была хорошей любовницей или женой, но была хорошей матерью и до самой смерти твердила сыну: остерегайся женщин с холодным сердцем, подобных ей. — Но если она чего-то добьётся с огромным трудом, то будет беречь это как зеницу ока.

Например, в её памяти навсегда осталась та дочь богатого купца, с которой они не могли быть вместе.

Если бы Август сразу согласился помочь Джули, она восприняла бы это как нечто само собой разумеющееся и не придавала бы значения.

На самом же деле приютить Джули — огромный риск для Августа.

Он хотел получить эквивалентную отдачу за свои усилия. К тому же Августа слегка задевало, что все, кажется, считают его мягкотелым. Не будь вчерашнего титулярного епископа, сегодня он, возможно, был бы сговорчивее.

Но что сделано, то сделано.

Если Джули проявит настойчивость, Август будет рад; если же она отступит — не станет сожалеть, просто придумает другой план.

Рафаэль не удержался и потрепал Августа по голове:

— Ты и так молодец. Но будь я на твоём месте, я бы заставил её отплатить по меньшей мере впятеро.

«!!!»

Ответ Рафаэля прозвучал холодно, но реалистично:

— Если нет огромной выгоды, зачем мне создавать себе проблемы на пустом месте?

Всем известно, что мисс Матт — француженка. Даже если сама по себе она не представляет угрозы, одно её существование может стать поводом для политических нападок. Более того, если Джули окажется шпионкой, как в дешёвых пьесах, и соблазнит сластолюбивого Ричарда II, Августу будет некуда плакать.

Рисков слишком много, и выгода должна быть соответствующей, чтобы ими можно было пренебречь.

С точки зрения Рафаэля, Август со своим принципом «услуга за услугу» уже занимается благотворительностью. Он слишком мягок. Однако такие мысли уже намного превосходили ожидания Рафаэля, и это заслуживало похвалы:

— Я даже приготовился к тому, что ты растаешь в процессе переговоров.

— С чего бы мне таять?

Честно говоря, то, что Джули вынуждена бежать в Англию, — целиком её собственная вина. Ситуация Джули не похожа на ситуацию отца Джо. Папа преследовал отца Джо из-за его отца, которого тот не выбирал; Джули же могла сама строить свою судьбу. Никто не заставлял её драться на дуэли, и никто не принуждал убивать соперницу. У неё было множество возможностей всё изменить, но она выбрала самый трудный путь. Кому же ещё пенять?

Конечно, те дворянские семьи тоже вели себя нелепо: они сами согласились на дуэль не на жизнь, а на смерть, а потом, когда их сторона проиграла, начали возмущаться. Довольно-таки бесчестно.

Поэтому-то Август и решил помочь, а не просто отказать.

Вернувшись в замок, они застали там отца Джо, который их уже ждал.

Это не было совпадением — Рафаэль заранее послал слугу Августа предупредить отца Джо: либо он является сейчас для разговора, либо не является вообще.

Отец Джо был одет в не совсем обычную чёрную рясу священника, внешне скромную, но под

ней... цвета были такие яркие, что больно было смотреть. Всё как в его характере: когда он молчал и просто улыбался, в нём чувствовалась какая-то святость, но стоило ему заговорить и проявить свою натуру, как все иллюзии развеивались.

<http://bllate.org/book/15929/1424075>